

В. Н. Давыдов

ОТ ДИКОГО К ДОМАШНЕМУ: СТРАТЕГИИ ДОМЕСТИКАЦИИ ОЛЕНЯ В СЕВЕРНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ

Статья основана на полевых материалах, собранных в июне 2013 г. во время экспедиции в Каларский район Забайкальского края. Исследование проводилось в рамках проекта «Arctic Domes» (Грант Европейского научного совета ADG 295458). Целью исследований была документация локальных стратегий взаимодействия человека и домашнего оленя, а также представлений местных жителей о «диком» и «домашнем». Особое внимание уделялось изучению стационарных конструкций, используемых оленеводами для структурирования и контроля движений животных. Полевая работа проводилась в поселке Чапо-Олого, а также непосредственно среди эвенков-оленеводов общины «Геван» на стоянке рядом с озерами Амудисы.

Между эвенками северного Забайкалья и южной Якутии существуют тесные родственные и дружеские связи. Часть оленеводов, включая главу общины, переселились в Чапо-Олого из южной Якутии. В стаде на Амудисах оленеводы общались между собой на трех языках: русском, якутском и эвенкийском. По словам главы общины «Геван» Спиридона Николаевича Габышева, когда он переселился в Чапо-Олого, у него было только 15 частных оленей, но постепенно стадо увеличилось примерно в 10 раз. Летом 2013 г. в общине «Геван» было два стада, которые Спиридон Николаевич планировал разделить в будущем на три части. Как в советский период, так и сейчас распространена практика обмена оленями с оленеводами из соседних регионов — Амурской области и Якутии: «Менялись, чтоб другая кровь была».

Согласно данным местной администрации, в селе Чапо-Олого на 1 мая 2013 г. проживали 174 человека, из которых 140 — эвенки. В селе наблюдается высокий уровень безработицы, среди трудоспособного населения было 55 работающих и 60 безработных. В Чапо-Олого зарегистрированы три общины: «Геван», «Бэюн» и «Орон». В общине «Геван» в сфере оленеводства работают

12 человек, в «Ороне» — два человека, братья Павловы, у которых было на 1 декабря 2012 г. 126 оленей. Также в поселке есть индивидуальные предприниматели, которые держат частных оленей. Согласно информантам, стада в Каларском районе остались только в селах Чапо-Олого и Кюсть-Кемда. В Среднем Каларе, где в советское время были многотысячные стада, сейчас не осталось ни одного оленя.

В качестве мобильного жилища оленеводы Каларского района используют палатку, хотя информанты помнят, что в советское время оленеводы использовали конические жилища — *урага*, которые называли также *юртами*. Согласно Людмиле Васильевне Мальчакитовой, вытеснение юрты палаткой объясняется тем, что юрту при перекочевках дольше ставить и она требует больше жердей, а для того чтобы поставить палатку, нужно всего девять жердей. Сейчас в обиход оленеводов прочно вошли современные технические средства. Однако в лагере оленеводов около озер Амудисы генератора, рации и солнечных батарей не было. В наше время в оленеводстве работают в основном мужчины. Летом 2013 г. на озерах Амудисы с оленями работали четверо мужчин. По воспоминаниям информантов, в советское время бригада оленеводов в северном Забайкалье состояла из 5–6 человек. В основном со стадом находились мужчины, но иногда кочевали семьями.

В советский период получает распространение круговая городьба (эвенк. *курэ*) площадью несколько квадратных километров, которую строили каждой весной и осенью, загоняли туда оленей на время отела и гона. Подобная городьба сейчас используется оленеводами южной Якутии. Оленеводы Каларского района ставят городьбу при помощи трактора и используют ее постоянно. Во время гона они отдельную городьбу не ставят. На озерах Амудиса городьба целиком перекрывает долину между склонами гор: фактически склоны используются вместо стенок городьбы. В июле, когда появляется мошка, оленеводы держат оленей высоко в горах, рядом со снегом, в продуваемых ветром местах, где нет мошки, а соответственно, нет необходимости в дымокурах. Высокое место в горах, где летом сохраняется снег, называют *имманакит* (эвенк.). Однако, когда раньше оленей держали летом в более низких местах, устраивали специальные дымокуры (эвенк. *тыпча*),

состоящие из множества колышков вокруг костра, чтобы олени не наступали на костер. Сейчас дымокуры изготавливают из металлических бочек для бензина, проделывая в них множество отверстий. Оленеводы также строят небольшие загоны неподалеку от лагеря.

В начале лета оленеводы ежедневно искали оленей в лесу и по чистым местам (эвенк. *аян, амнунна*), приводили их в загон, держали в течение нескольких часов и к вечеру отпускали: «Олень в загородке никогда постоянно стоять не будет — ему свобода нужна». Поскольку олени ходят свободно, оленеводам очень важно запоминать направление, куда они пошли. Для отслеживания движений стада на смирных оленей, обычно на важенок и быков-кастратов, вешают большие (эвенк. *чоран*) и маленькие (эвенк. *чоргилан*) колокольчики или ботало.

В процессе приручения оленя важную роль играет его периодическое привязывание. Оленеводы рекомендуют привязывать оленят в самом раннем возрасте, для того «чтоб узды знали, чтоб дикие не были», становились смирными. Причем это важно делать, «пока рожки не отросли». Сначала им это не нравится, но они быстро привыкают к веревке. Кроме того, оленеводы могут изготавливать специальное бревно с отверстиями (эвенк. *голобко*), чтобы можно было привязывать телят на расстоянии друг от друга. Также телят привязывают к деревьям, корням и пням. Если олененок побывал на привязи, потом его будет легче ловить. Юрий Юрьевич Мальчакилов из поселка Кюсть-Кемда начинает привязывать телят рядом с палаткой на второй день после рождения, и они быстро становятся смирными. В летнее время телят также привязывают с целью доения важенок: «На ночь теленка завязываешь. Мать отпускаешь. Она потом кормится. Утром встаешь — матку ловишь, теленка отпускаешь... Она от теленка далеко не уходит. Рядом здесь будет. А не будешь привязывать — молока не надоишь». Данная стратегия позволяет за летний период приучить телят быть более смирными.

Оленей приучают возвращаться к человеку с помощью соли, их постоянно подкармливают солью из специальной сумочки *турукэрука* (эвенк.): «Были у нас *турукэруки*. Копыт оленьих нарезаешь, соль положишь. Всегда с собой. На шее висит она. На звук

олень приходил. Вот подразниваешь его, соль возьмешь. Они все лезут туда, морды суют». Соль также насыпают в специальные деревянные кормушки или на корни деревьев в загоне.

Оленеводы постоянно следят за состоянием здоровья животных в стаде. Несмотря на то что сейчас для лечения оленей применяют специальные лекарства и мази, местные жители используют и традиционные средства. Например, при поносе оленям могут давать отвар коры вербы. Если олени весной сильно кашляют, их поят медвежьим жиром. Для этого жир перетапливают, наливают в бутылку и поят оленей. По словам Инны Юрьевны Мальчакитовой, раны оленям можно обрабатывать смолой лиственницы.

Олени играют большую роль в перевозке грузов и как транспорт на охоте. Каларские эвенки используют верховое (эвенк. *лочарук*) и грузовое (эвенк. *амыгын*) седло. При перевозке грузов важно, чтобы олени не натирали спины седлами. Поскольку седла, хоть и незначительно, отличаются по размеру, оленеводы запоминают, какое седло с каким оленем можно использовать. Седло стараются ставить оленю на холку. Постельные принадлежности оленеводы перевозят в больших меховых сумках (эвенк. *чомпули*), вещи и продукты — в берестяных сумках, обшитых мехом (эвенк. *инмак*), посуду и столовые приборы — в специальных сумках из бересты (эвенк. *икабья*). В зимнее время используют трехкопильные нарты, изготовленные из березы: грузовые мужские (эвенк. *лочарук*) и женские (эвенк. *касыма*) ездовые нарты. К каждой нарте привязывают по два оленя. Оленей-передовиков привязывают параллельно друг другу. Прежде чем оленя привязать в качестве передовика (эвенк. *баретчет*, но местные жители говорят также *баретчик*), его нужно долго обучать. Не каждого оленя можно ставить передовиком, для этих целей оленеводы специально выбирают тех оленей, которые при перегоне стада бегут первыми. Позади *баретчика* обычно привязывают бокового оленя (эвенк. *дагантук*), который тащит грузовую нарту. Здесь также важно правильно выбирать оленя. В качестве боковых выбирали животных, которые не боятся человека и нарт, а также приучены бежать параллельно друг с другом. В конце каравана из нарт также обычно привязывают одного-двух оленей, которых называют по-русски *тормоза*. Это особенно важно на спусках, поскольку нарты резко

уходят вперед, а олени тормозят скольжение. Здесь также важно хорошо знать животных в стаде — в качестве *тормоза* обычно выбирают оленя, который «плетется сзади всех». При перекочевках на оленях приходится делать остановки. Для того чтобы олени не уходили далеко, им привязывают шейные колодки в виде тонких поленьев (эвенк. *чаангай*) и отпускают в лес.

Граница между «диким» и «домашним» не является определенной раз и навсегда. Скорее в контексте повседневных практик оленеводов можно говорить о процессах становления «домашними» и «одичании» оленей. Кроме того, такие категории, как «дикий» и «домашний», употребляются в разных контекстах [Сирин 2012: 488]. Дикого оленя местные жители называют *сокжой*. Его отличат по длинным ногам, длинной морде и особой форме ушей. Иногда домашняя важенка рождает теленка от дикого быка. Такого теленка называют *бэюнчикан* (эвенк.) и стараются за ним особо присматривать: «У них очень нрав крутой, неволю не могут терпеть *бэюнчиканы*». Отличительными чертами подобных «полудиких» телят являются нос с горбинкой и длинные ноги. Согласно информанту, такие телята полностью поддаются одомашниванию, но это требует особых усилий: «Он как олень же, привыкает потом. Он все равно долго привыкает, полукровка. Кровь дикая есть же. Шарахается туда-сюда». Поведение *бэюнчикана* будет зависеть от того, «какая кровь победит: от домашнего или от дикого оленя». В советское время их старались отдавать на забой. Забивали оленей в конце ноября ударом обуха топора между рогов, и никогда не убивали домашнего оленя из ружья [Василевич 1969: 73–74]. На забой шли также олени, которые хромали, перенесли травмы, были слабыми.

В Чапо-Олого несколько информантов рассказывали, что «старика пытались когда-то одомашнить дикого олененка (эвенк. *манган*)». Григорий Афанасьевич Курбалтунов, родившийся в Чапо-Олого и работающий сейчас в стаде общины «Тяня» в южной Якутии, рассказывал, что такой олененок потом «как корова становился». Геннадий Семенович Кузьмин уверен, что «*сокжоя* можно приручить», и он слышал, что такие попытки в Чапо-Олого были. Евгений Афанасьевич Трынкин, бригадир из общины «Геван», также уверен, что «теленка от *сокжоя* можно приручить».

Он добавил, что «старики рассказывали, что делали так», в 1930–1950-е гг. «старики дикого приручали». Евгений Афанасьевич уверен, что «годовалый *чонокучан*, если в городьбу зайдет, совсем дикий, его можно приручить. Солью надо кормить». Инна Юрьевна Мальчакитова из Чапо-Олого подтвердила, что дикого олененка «приручали когда-то. Обыкновенный олень становится. Среди оленей живет... Он становится обыкновенным домашним оленем». Кроме того, по ее словам, в Старой Чаре местные жители приручили изюбренка: «Он хлеб просил у женщин, кусал. И такие рога у него выросли, и стал опасен. И они его в результате пустили на мясо. Поймали его на Сьюльбане и звали Сьюльбан». Григорий Афанасьевич Курбалтунов заметил, что, по поверьям эвенков, диких животных приручать не следует, так как это может привести к смерти: «Лучше убей, чем приручи. Есть примета, что умереть можешь. Поэтому никто не брался. Да я и сам не желаю». При этом информант считает, что дикий олень вполне поддается приручению. Также в Чапо-Олого говорят, что нельзя мучить диких животных, нельзя их ругать, так как это влияет на охотничью удачу: «Если помучаешь его [дикое животное] — в глаза не попадетсЯ, убивать не будешь, не сможешь зверя добыть». Также в Чапо-Олого есть поверье, что если дикое животное приходит в село или на стоянку к оленеводам — это к чему-то плохому.

Важную роль для сохранения стада играет защита стада от хищников. Когда волки начинают убивать оленей, местные жители обычно перегоняют стадо в другое место. В северном Забайкалье пастбища окружают сетью ловушек-давилок на медведя, изготовленных из бревен и камней, а снизу привязывают приманку — испортившееся мясо. Когда медведь выдергивает приманку на рогатине, его придавливают бревна с камнями. Оленеводы периодически ходят проверять ловушки, а также охраняют стадо по очереди в ночное время: «Зверь-то ночью в основном старается ходить». Кроме того, устраивают засады на медведя на деревьях, особенно если он задрал оленя: «Медведь сильно много давит оленей. Его же стараются караулить. Делают *сидьбы* на дереве. Он же оленя задавит — целиком не съест, закапывает его. Через день придет, может. На дереве делаешь, по лестнице залезаешь и караулишь. Сегодня не придет, завтра не придет. Но когда-то же при-

дет? Стараешься сидеть, не шевелиться, не курить, не чихать — ничего. А приходит он обычно, когда темнеет или под утро ночью приходит». В июне 2013 г., когда медведь задрал одного оленя, оленеводы ходили и караулили медведя в том месте всю неделю.

Во время гона важно также охранять стадо от диких оленей, так как они могут закалывать домашних быков острыми рогами. Также дикие олени могут уводить за собой важенок и те могут «одичать» и не вернуться назад к человеку [Туголуков 1962: 82]. В случае ослабления наблюдения за стадом олени могут теряться в лесу и «дичать» [Поворознюк 2011: 157]. Чтобы этого не происходило, оленеводы стараются пригонять оленей к загону около стоянки каждый день. Однако, поскольку в начале июня мошки не было, олени сами в загон не возвращались и их было достаточно сложно загнать внутрь изгороди.

Отношения человека и оленя «встроены» в местный ландшафт: одомашнивание всегда происходит в контексте определенных мест, по которым перемещаются люди и животные, а не только в загонах рядом с палаткой. Доместикация оленя — это не свершившийся в далеком прошлом факт, а процесс, происходящий прямо на наших глазах. Олень становится домашним только благодаря ежедневным усилиям людей.

Библиография

Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л., 1969.

Поворознюк О.А. Забайкальские эвенки: социально-экономические и культурные трансформации в XX–XXI веках. М., 2011.

Сирин А.А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М., 2012.

Туголуков В.А. Витимо-олекминские эвенки: очерки истории // Сибирский этнографический сборник. М., 1962. С. 67–97. (ТИЭ. Новая серия. Т. 78).